

СУЩЕСТВУЮТ разные критерии оценки произведений искусства. Но есть высший критерий: насколько это произведение служит общему делу — борьбе за построение коммунизма. Наши деятели эстрады важнейшей своей задачей, своей главной целью считают помощь партии в деле формирования сознания людей — строителей коммунистического общества. Когда недавно руководители партии и правительства посетили выставку произведений московских художников, ими был высказан целый ряд принципиальных предложений, касающихся искусства в целом. В частности, прозвучала мысль о том, что искусство должно возвышать человека, вдохновлять и вести на новый подвиг. Это положение непосредственно относится и к эстрадному искусству, где от художника требуется показ жизни во всей ее сложности и многообразии, идейно-художественное осмысление ее.

Ю. ДМИТРИЕВ,
профессор, доктор
искусствоведения

С ПОЗИЦИИ ВЫСОКОЙ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

искусство от этого не обогатятся, — будет просто два мопса. И вот иногда в кино, в театре, на художественной выставке мы видим произведения, на первый взгляд близкие к действительности, но так как из них мы ничего нового о жизни не узнаем, то такое произведение скучно читать, слушать или смотреть.

Сила лучших художников нашей эстрады, помимо их личной талантливости, актерского обаяния, как раз в том и заключается, что они помогают своими выступлениями глубже, ярче, интереснее, значительнее оценить факты нашей жизни. Значителен и важен в этом отношении острый публицистический фельетон. Какую подлинно всенародную славу приобрели сатирики — исполнители куплетов и частушек Рудаков и Баринов! Репертуар — сегодняшней, позволяющий активно вмешиваться в жизнь, — имеет для них огромное значение, помогает им стать в лучшем смысле любимцами публики.

Две важнейшие стороны эстрадного искусства — публицистика и сатира. Но, обращаясь к ним, следует помнить слова В. И. Ленина: «Отрицательный лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не «заостряет», а отупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация». Артисты нашей эстрады стремятся именно к утверждению положительных идеалов и ради них ведут наступление на все, мешающее этому. Сатира на эстраде необходима. Но, помогая искоренению недостатков нашей действительности, иногда еще существенных, сатира обязательно предусматривает высокий нравственный идеал у того, кто с ней выступает. Без такого идеала она превращается в пустое зубоскальство, решительно нетерпимое в искусстве. С этим связан образ положительного героя на эстраде и произведения, прославляющие пафос нашей жизни. Здесь нельзя не вспомнить В. Курзнера, с большим успехом исполнявшего рассказы, где воспевались лучшие качества наших людей. Сила монологов Н. Смирнова-Сокольского в том и заключалась, что в них самые острые нападки на все отжившее соединялись с прославлением того передового, значительного, чем славна наша жизнь. Лучшие наши актеры сильны своим умением показать современно-положительного героя без сусальности, без ложного пафоса.

Высоко оценивая лучшее, нельзя не сказать и о том, что на эстраде нередко встречаются выступления незначительные и по форме, и по содержанию. Иногда это свойственно и известным актерам. Например, в этом сезоне наши талантливые артисты М. Миронова и А. Менакер вышли на сцену эстрадного театра «Эрмитаж» со сценкой Я. Зискинда, где актерский талант явно тратится на выражение явления неэстетического и в весьма натуралистической форме. Летом этого года в эстрадном театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького выступал В. Шкулин — подготовленный и разносторонний артист. Но прислушайтесь к его островам — старым анекдотам, подающимся с явным стремлением во что бы то ни стало угодить зрителю. Не поставив перед ним новые вопросы, а именно угодить, в то время как цель искусства — объяснить мир, выносить приговор тем или другим явлениям, помогать перестраивать жизнь ради счастья людей.

Но хотя на нашей эстраде всегда было и есть стремление к созданию положительного героя, к прославлению нашей действительности, все же этого недостаточно. Наша жизнь дает гораздо больше оснований для того, чтобы прославлять ее во всех областях искусства и в том числе на эстраде. Рабочий, солдат, крестьянин, служащий, ученый имеют право на то, чтобы их показали во всем величии и значении их жизненных подвигов, а делается это недостаточно широко и полно. Когда-то Н. Смирнов-Сокольский мечтал, что на эстраду придут молодые поэты и молодые актеры героического плана и что в их выступлениях зазвучит современная героическая тема. Но мечта эта в полной мере пока еще не осуществилась.

Когда А. Райкин исполняет пантомиму, показывая жизнь человека от рождения и до смерти, и мы видим пустоту и ничтожность жизни этого человека, — это настоящее искусство: здесь артист-сатирик выступает против мещанского, эгоистического представления о счастье, показывает всю ничтожность такого счастья, несовместимость его с идеалами современности. Когда Л. Миров и М. Новицкий исполняют эксцентрическую сценку с аппаратом, выявляющим лжецов, они тоже действуют в пределах высокого искусства, ибо их номер раскрывает человеческие характеры, те внутренние пружины, которые способны распространению микроба лжи. Когда Г. Кузнецов читает фельетон о требова-

ниях, предъявляемых современному интеллигенту, слышится забота и волнение актера, связанные с современными критериями культуры, их правильным пониманием. Но когда конферансье Азербайджанского оркестра Л. Шимелов выходит на сцену и поет о том, что в Баку на набережной много раскрашенных скамеек, где сидят влюбленные и бабушки с внучатами, возникает вопрос, почему об этом публично надо сообщать тысячам людей...

К сожалению, молодежь, приходящая на эстраду, пока еще слабо борется за повышение ее сатирической и публицистической сущности. И в выпуске эстрадной мастерской, руководимой Л. Маслюковым и С. Каштеляном, самое слабое — разговорный жанр. Мало радует последними работами и студия «Юность», на которую так много возлагали надежд.

Из молодых исполнителей нельзя назвать ни одного, хотя бы приближившегося к корифеям эстрады по идейной насыщенности и художественной убедительности номеров. Правда, молодым артистам аплодируют. Но прав был выдающийся советский режиссер А. Попов, когда он говорил: «Зритель щедрый. Он наградит вас аплодисментами, это ему ничего не стоит. Он похлопает вам, раз вы его так об этом просите. Но уважать он вас не будет. Больше, чем аплодисменты, нужно ценить уважение зрителя».

В ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ манере за последнее время несколько утерян публицистический накал. Сейчас наши разговорники ведут беседы со зрителями в подчеркнуто задушевном тоне. Поднес микрофон к самым губам, они почти шепчут в него. Конечно, и такая манера исполнения вполне законна, тем более если артисты талантливы. Она создает интимность, непосредственность общения. Но, во-первых, всякое, а тем более эстрадное искусство требует не однообразия, а разнообразия. А во-вторых, в такой манере хорошо рассказать забавный анекдот, шутку, спеть песенку. Если же репертуар требует подлинной публицистической наполненности, то манера эта часто противоречит содержанию произведения и невозможна для выступления перед подлинно массовой, тысячной аудиторией.

Будучи искусством, эстрада стремится к созданию образов, а образ — это создание типического персонажа в типических обстоятельствах, в правдивых деталях. Такие актеры, как М. Миронова, А. Райкин, Л. Миров и многие другие, создают образы в исполняемых ими сценках. Бесспорно, яркий и своеобразный образ создает П. Муравский, можно назвать классическими образы Тарапушки и Штепселя, созданные Ю. Тимошенко и Е. Березиным. К такой типизации должны стремиться все наши артисты. Безусловно, не следует возрождать старые маски и образы, чуждые нам по социальной направленности. Но каждому артисту следует найти

своеобразную маску, образ, тип, то есть добиться того, чтобы он действовал в пределах искусства. Безликий, улыбающийся, говорящий пустые слова персонаж навсегда должен исчезнуть с нашей эстрады, уступив место актерам, создающим живые образы.

Н. В. Гоголь когда-то говорил: «Драма — душа театра». Это же относится и к эстраде. Что может сделать самый талантливый исполнитель, не располагая полноценным репертуаром? А репертуар этот скуп и не всегда такого качества, какого должны быть вещи, ставящиеся на советской эстраде. Для эстрады писали и пишут многие талантливые литераторы, но в Союзе писателей эта их деятельность не всегда поощряется и поэтому кое-кто из них уходит в драматический театр, в кино, в оперетту, в журналистику. В результате эстрадный репертуар начинают поставлять драмодеды, полуграфоманы, полухалтурщики. Вот почему надо помогать художникам слова, связанным с эстрадой. Ведь написать хорошие фельетон, сценку или куплеты ничуть не легче, а может, и труднее, чем пьесу, стихи или повесть, которые подчас публикуются и тут же канут в Лету.

За последние годы к нам на гастроли все чаще приезжают исполнители из-за рубежа, певцы и музыканты. Многие из них имели успех, собирали большую аудиторию, главным образом молодежную. Но наряду с первоклассными коллективами и солистами, исполнявшими хорошую музыку и песни, гастролеры привозили немало и того, что идет от дурного вкуса, от буржуазного искусства, грубого, пошлого, екссуального, утерявшего связь с народными истоками, заботящегося только о том, чтобы пощекотать нервы пресыщенным людям. Об этом стоит пожалеть. Но главная задача в другом — добиться, чтобы наше искусство во всех областях, в том числе и в области эстрадной музыки и жанрового пения, было интереснее, ярче, лиричнее, веселее, талантливее всего прибывающего из-за рубежа. Это и будет подлинной борьбой с буржуазными влияниями.

Прислушиваясь к нашим лучшим эстрадным оркестрам, руководимым Л. Утесовым, О. Лундстремом, Э. Рознером, К. Певзнером, и другим, следует признать, что они не только не уступают коллективам, прибывающим из-за границы, но превосходят их по таланту и мастерству. Но это не значит, что им нечего совершенствоваться. Хотя профессиональных эстрадных оркестров у нас много, все они чем-то похожи друг на друга. А ведь штамп в искусстве менее всего терпим. Почему бы одному из оркестров, например, руководимому О. Лундстремом, не заняться пропагандой лучших джазовых вещей, джазовых симфоний? Это будет оркестр, рассчитанный на подлинных любителей музыки, ставящий перед собой серьезные задачи. И тогда, может быть, оркестру не потребуются ни тан-

цоры, ни конферансье. Джазовая музыка доказала, что она может создавать не только незначительные песенки, но и произведения большой формы, к джазу обращались многие выдающиеся композиторы — значит, может существовать и академический джаз-оркестр, выступающий не только в «Эрмитаже», но и в Зале имени П. И. Чайковского. С другой стороны, может и должен быть эксцентрический оркестр, репертуар, исполнительская манера которого пронизаны юмором. Очень нужен оркестр, избравший своей специальностью танцевальную музыку, создающий вместе с композиторами и балетмейстерами новые формы бытового танца.

Иначе говоря, каждый оркестр должен быть не похож на другой по репертуару и манере, но все они должны быть пропагандистами подлинной музыкальной культуры. Кстати, у нас мало профессиональных оркестров, составленных из молодых людей с консерваторским образованием, хотя эстрада в первую очередь — искусство молодых и для молодых.

К РОМЕ ТОГО, эстраде нужны не только первоклассные музыканты, но и музыканты-артисты, умеющие действовать, жить на сцене, как живут артисты драматические. Эстрада — зрелище, а зрелище требует не только звуковых, но и зрительных впечатлений.

Вероятно, по количеству в эстрадных организациях больше всего певцов, но вот качество их исполнения далеко не всегда удовлетворительно. Прежде всего, почему большинство из них обладает весьма скромными вокальными данными? Конечно, могут быть исполнители эстрадных песен со слабыми певческими голосами. Доказательством тому служат Ив Монган, Л. Утесов, К. Шульженко. Но все-таки о повышении вокальной культуры эстрадных певцов необходимо серьезно подумать.

Наши артисты видят свою задачу в воспевании современника во всех его проявлениях — в труде, в учении, в любви. А разве может быть любовь, гордость, радость, без радости и без огорчений, без встреч и разлук? Значит, и о разлуках надо петь... Это верно, но все-таки слишком много у нас поется о любовных неудачах, да еще на сентиментальные мотивы, отчего певческий репертуар приобретает неприятно слезливую направленность. Вряд ли наш современник, молодой человек социалистического века, занимается только тем, что горюет о любимой. Конечно, никто не призывает к противоположному — к созданию и исполнению песен, состоящих из набора бодрых штампованных слов, лишенных подлинной поэзии. Речь идет о том, чтобы поэтическими средствами, используя могучее воздействие музыки, рассказать о человеке наших дней самое важное, многогранно показать его в труде и отдыхе, в радости любви и в горестях расставаний. И жанро-

вое пение на эстраде должно стать подлинной поэзией, а не грубой подделкой под нее. Правда, иногда мы подходим к этой области излишне ригористически. Стоит певцу надеть красивое вечернее платье или певцу появиться во фраке, стоит им затанцевать, как тут же начинаются упреки, что это, мол, противоречит принципам нашего искусства. Пошлость нигде невозможна, и в том числе на эстраде. Но одно дело — пошлость, а другое — блеск, великолепие, некоторая эксцентричность — качества, необходимые эстрадному искусству. И тут возникает вопрос: откуда приходят певцы на эстраду? Оказывается, что дороги к ней случайны. Одни наши певцы имеют консерваторское образование, другие участвовали в самодеятельном хоре, третьи обучались в драматической студии. Но эстрадных исполнителей, которые обучались бы в специальном учебном заведении, почти нет. А между тем в ГИТИСе существует отделение актеров музыкальной комедии — искусства, близкого эстраде.

С пением всегда соседствует танец, эстрадный концерт редко обходится без танцевальных номеров. Очень хороша акробатико-танцевальная пара Алла Ким и Шалва Лаури, великолепно четочники братья Гусаковы. Особо следует выделить Махмуда Эсамбаева, танцовщика редкого дарования и поразительного мастерства. Самых горячих похвал заслуживают наши танцевальные коллективы — Ансамбль народного танца Союза ССР, «Березка», многие ансамбли, работающие в национальных республиках. Это подлинные лаборатории сценического танца, основанные на изучении народного творчества. Но хороших танцевальных номеров на эстраде все-таки мало. Недостаточно заботятся и о создании и пропаганде новых бытовых танцев, которых так ищет наша молодежь. Правда, в Ленинграде создали коллектив, демонстрирующий образцовое исполнение балльных танцев, но дальше показа липси он не пошел. К тому же демонстрация проводится в такой академической, бесстрастной манере, что учиться танцевать так — не хочется... У нас немало также исполнителей разных народных плясок. Но танцуют они то же, что и большие танцевальные ансамбли, и, как правило, хуже. Поэтому и успех их незначителен. В целом положение с танцем на эстраде трудно признать удовлетворительным, и над этим надо очень серьезно подумать.

...Когда-то Н. В. Гоголь писал о театре: «Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если пригнать в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собой разбирая по единицам, может вдруг потрясти одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра». Слова эти полностью можно отнести и к искусству эстрады. И именно с таких, самых высоких позиций можно и нужно предъявлять к нему требования.